

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Э. Л. Сидоренко

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ
ПОТЕРПЕВШЕГО
И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Элина Сидоренко

**Отрицательное поведение
потерпевшего и Уголовный закон**

«Юридический центр»

2003

УДК 343.988
ББК 67.51

Сидоренко Э. Л.

Отрицательное поведение потерпевшего и Уголовный закон /
Э. Л. Сидоренко — «Юридический центр», 2003 — (Теория и
практика уголовного права и уголовного процесса)

[Работа посвящена актуальным и сложным проблемам дифференциации уголовной ответственности и назначения справедливого наказания виновному в случаях, когда совершаемое им преступление носит ситуативный характер и обусловлено отрицательным поведением жертвы. В книге анализируются уголовно-правовые и криминологические аспекты личности и поведения потерпевшего, раскрывается механизм совершения виктимологически обусловленных преступлений. Основное внимание в работе уделено вопросам уголовной ответственности и наказания за преступления, вызванные аморальным или противоправным поведением жертвы. Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, практических работников, а также всех тех, кто интересуется виктимологической проблематикой.](#)

УДК 343.988
ББК 67.51

© Сидоренко Э. Л., 2003
© Юридический центр, 2003

Содержание

Уважаемый читатель!	6
Предисловие	8
Глава 1. Потерпевший и преступник: уголовно-правовой, виктимологический и криминологический аспекты	10
1.1. Понятия «потерпевший» и «жертва» преступления: уголовно-правовой, процессуальный и виктимологический анализ	10
1. 2. Отрицательное поведение потерпевшего как элемент преступной ситуации	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Э. Л. Сидоренко
Отрицательное поведение
потерпевшего и Уголовный закон

© Э. Л. Сидоренко, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Действуют новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породило замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы представить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат следующие вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина «Экономические преступления», В. И. Михайлова и А. В. Федорова «Таможенные преступления», Е. В. Топильской «Организованная преступность», М. Н. Становского «Назначение наказания», В. Б. Малинина «Причинная связь в уголовном праве», Д. В. Ривмана и В. С. Устинова «Виктимология», В. М. Волженкиной «Нормы международного права в российском уголовном процессе», Р. Д. Шарапова «Физическое насилие в уголовном праве», М. Г. Миненка и ДМ. Миненка «Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы», С. Д. Шестаковой «Состязательность в уголовном процессе», И. Ю. Михалева «Криминальное банкротство», Г. В. Овчинниковой, М. Ю. Павлика, О. Н. Коришуновой «Захват заложника», А. Н. Попова «Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах», О. В. Старкова, С. Ф. Милокова «Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ», А. Л. Протопопова «Расследование сексуальных убийств», С. А. Алтухова «Преступления сотрудников милиции», В. Г. Павлова «Субъект преступления», Ю. Е. Пудовочкина

«Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву», И. М. Тяжковой «Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности», В. М. Борисенко, К. И. Егорова, Г. Н. Исаева, А. В. Сапсая «Преступления против военной службы», А. А. Майорова, В. Б. Малинина «Наркотики: преступность и преступления», Г. В. Назаренко «Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния», Б. В. Волженкина «Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления)», 2-е изд., дополненное и расширенное, А. А. Струковой «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: уголовно-правовая характеристика», С. С. Тихоновой «Прижизненное и посмертное донорство в РФ: вопросы уголовно-правового регулирования», А. В. Мадъяровой «Разъяснения Верховного Суда РФ в механизме уголовно-правового регулирования», М. Л. Прохоровой «Наркотики: уголовно-правовая характеристика», Л. А. Андреевой, П. Ю. Константинова «Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность», И. В. Александрова «Налоговые преступления», Л. С. Аистовой «Незаконное предпринимательство», и др., в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридуко-образователъной или правоприменителъной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

Редакционная коллегия
Март 2003 г.

Предисловие

Преступность в России за последние годы приобрела угрожающие масштабы. При этом значительно возросло количество преступлений против личности. Этот процесс идет по нарастающей, и, к сожалению, нет объективных оснований для изменения ситуации к лучшему.

Качественные и количественные изменения в состоянии преступности отразились на характере и уровне виктимизации населения. Ежегодно последствия преступных посягательств ощущают на себе около 10 млн человек.

Однако государство остается равнодушным к проблеме потерпевших. Статистика жертв преступлений в отчетности правоохранительных органов отсутствует. Основные направления борьбы с преступностью фактически не связаны с задачей обеспечения личной безопасности граждан.

Между тем сложившаяся виктимологическая ситуация требует обратить особое внимание на проблему жертвы преступления. Значимость данной проблемы для научной и практической работы трудно переоценить.

Во-первых, признаки, характеризующие поведение потерпевшего, помогают установить наличие или отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления.

Во-вторых, они влияют на типовую степень общественной опасности преступного деяния и лица, его совершившего, и поэтому учитываются при дифференциации ответственности.

В-третьих, полный объективный учет данных о личности и поведении жертвы при индивидуализации наказания способствует назначению справедливого индивидуализированного наказания, а это позитивно влияет на общую и частную превенции.

Заслуживает повышенного внимания проблема отрицательного поведения потерпевшего в процессе дифференциации ответственности и индивидуализации наказания виновному. Как показывают проведенные исследования, в 66 % убийств и в 60 % случаев причинения тяжкого вреда здоровью жертва своим отрицательным поведением сама провоцировала преступление.

Провозглашенный в УК РФ 1996 г. принцип справедливости требует принятия мер, направленных на защиту интересов не только потерпевшего, но и преступника. Игнорирование «вины жертвы» приводит к ошибочной квалификации деяний в сторону ужесточения ответственности субъекта преступления. Он становится не только жертвой обстоятельств и своей «несдержанности», но и жертвой правоприменительной системы. А это негативно сказывается на уровне индивидуального и общественного правосознания.

На сегодняшний день созданы благоприятные условия для глубоких научных исследований уголовно-правовых и криминологических аспектов отрицательного поведения жертвы. Виктимология накопила большой эмпирический материал относительно природы аморального и противоправного поведения потерпевшего, а уголовно-правовая доктрина долгие годы занимается вопросами уголовной ответственности, ее дифференциации и индивидуализации.

Пришло время на основе значительной научной базы и в соответствии с практическими задачами выработать определенные рекомендации по учету данных о поведении потерпевшего и его влиянии на ответственность и наказание виновного. Особенно актуальной данная задача видится в свете реформы уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ, тем более что в УК 1996 г. игнорируется даже уголовно-правовая природа потерпевшего.

Положения и выводы настоящего исследования могут оказаться полезными в законодательной и правоприменительной деятельности. Так, предложения, касающиеся уголовно-правового и процессуального понятия «потерпевший», а также вопросы уголовной ответственности за эксцесс обороны и аффектированные преступления могут быть восприняты законодателем при внесении изменений в УК и УПК РФ. Надеемся, полезными в правоприменительной деятельности окажутся рекомендации по дифференциации уголовной ответственности

ности и индивидуализации наказания в случаях, когда имело место отрицательное поведение потерпевшего.

В данной работе рассмотрены лишь основные вопросы, связанные с криминологической и уголовно-правовой значимостью отрицательного поведения потерпевшего. К сожалению, многие проблемы рассмотрены лишь в общих чертах, поскольку требуют к себе особого внимания и самостоятельного научного исследования. Часть вопросов, опосредованно связанных с рассматриваемой темой, осталась за рамками настоящего исследования.

Положения и выводы работы отражают авторскую позицию. Они не бесспорны и поэтому могут вызвать дискуссии, в связи с чем будем признательны всем за конструктивную критику.

Глава 1. Потерпевший и преступник: уголовно-правовой, виктимологический и криминологический аспекты

1.1. Понятия «потерпевший» и «жертва» преступления: уголовно-правовой, процессуальный и виктимологический анализ

По данным уголовной статистики, ежегодно в России совершается свыше 30 тыс. убийств, 45 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 40 тыс. разбойных нападений, 120 тыс. грабежей, 10 тыс. изнасилований¹. С ростом преступности стремительно увеличивается количество потерпевших. Только официально их регистрируется до 1, 5 млн человек в год². Процесс виктимизации в России развивается стремительными темпами, и необходимость борьбы с данным явлением стала очевидной для всех. Между тем законодатель и правоприменитель к этому фактически не готовы. Свидетельство тому – масса вопросов, связанных не только с проблемой сокращения числа потерпевших, но и с самой терминологией.

В отечественной науке, наряду с «потерпевшим», употребляется также термин «жертва». При этом возникает вполне справедливый вопрос: какой из этих терминов предпочтительнее использовать и стоит ли вообще развивать их конкуренцию. Ответ на данный вопрос требует тщательного анализа понятий.

В доктрине уголовного права совершенно справедливо выделяют материальную и процессуальную природу потерпевшего³. Согласно ст. 42 УПК РФ, «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора, суда».

Анализируя уголовно-процессуальную норму, П. С. Дагель и другие ученые признавали понятие «потерпевший» общим для уголовного и уголовно-процессуального права, исходя из того, что «первое предложение дает именно материально-правовое понятие „потерпевший“, а второе предложение определяет, при каких условиях потерпевший становится участником уголовного процесса, приобретает процессуальные права и обязанности».

С данной позицией трудно согласиться. Статья 42 УПК призвана, на наш взгляд, определить только процессуальное понятие «потерпевший», и ключевым положением данной нормы является порядок признания за лицом данного процессуального статуса.

Материальная же природа потерпевшего должна быть закреплена в уголовном законе.

Несмотря на то, что личность и поведение потерпевшего учитываются законодателем при конструировании многих уголовно-правовых норм (ст. 61, 76, 107, 113 и др.), столь необходимое практике понятие отсутствует. Наблюдается абсурдная ситуация. УК безмолвствует, а УПК РФ указывает на некоторые материальные признаки потерпевшего, хотя по логике вещей процессуальная фигура потерпевшего производна от его материально-правового статуса. Несмотря на очевидность данного положения, в науке оно нередко подвергается кри-

---

¹ По материалам ГИЦ МВД России: <http://www.mvdinform.ru/2001/gic/tab11.htm>

² Луниева В. В. Преступность 20 века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 199, 203–204.

³ Фаргиев И. А. Уголовно-правовое значение личности и поведения потерпевшего. Дис... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 43.

тике. Свою позицию авторы аргументируют тем, что «вопрос, причинен ли преступлением вред определенному лицу, суд решает при постановлении приговора. Утвердить ответ на этот вопрос и означает признание лица потерпевшим в материально-правовом смысле данного понятия. Таким образом, если признание потерпевшим в материальном смысле является некоторым этапом доказывания и имеет место, когда факт причинения вреда данному лицу доказан достоверно, признание потерпевшим в процессуальном смысле является одной из предпосылок участия данного лица в доказывании и имеет место при наличии оснований предполагать причинение преступлением вреда данному лицу»⁴.

Однако сторонники данной позиции не учитывают того, что потерпевший как уголовно-правовая категория порождается реальной действительностью и представляет собой объективное следствие вредопричиняющего деяния виновного (а не результат доказывания в судебном процессе).

Появление потерпевшего в процессуальном качестве связано исключительно с производством определенных следственных действий. Именно поэтому УПК РФ должен решать лишь вопрос о необходимости участия объективно существующего потерпевшего в судопроизводстве в качестве субъекта уголовно-процессуальной деятельности, но не давать его определения.

Несоответствие природы появления потерпевшего в уголовном праве и процессе не могло не породить определенные трудности в правотворческой и правоприменительной деятельности. В. И. Каминская в связи с этим справедливо отметила: «Исходя из подчиненной роли уголовно-процессуального законодательства по отношению к уголовному, представляется, что логика законодательства не допускает такого положения, чтобы при употреблении в процессуальном законе уголовно-правового понятия ему придавалось иное значение по сравнению с уголовным законом либо же чтобы в процессуальном законе конструировались или просто употреблялись какие-либо уголовно-правовые понятия, отсутствующие в самом уголовном законе»⁵.

Поддерживая позицию автора, мы считаем, что, во-первых, в диспозиции ст. 42 УПК РФ не должны содержаться уголовно-правовые признаки потерпевшего. Во-вторых, назрела острая необходимость в формулировании в УК РФ материального понятия «потерпевший». С нашими выводами согласилось свыше 90 % опрошенных практических работников.

Потерпевшим в уголовно-правовом праве должно быть признано физическое или юридическое лицо, которому непосредственно преступлением причиняется определенный вред.

Наше определение соответствует дефиниции, закрепленной в ст. 42 УПК, за тем исключением, что мы считаем необходимым указать на признак непосредственности и несколько изменить виды причиняемого вреда.

В русском языке *непосредственный* – «прямо следующий после чего-нибудь, без посредствующих звеньев, участников»⁶. Иными словами, потерпевшим признается непосредственно пострадавший от преступления, а не его родственник или законный представитель. Косвенным подтверждением нашей позиции может служить ст. 107 УК РФ, согласно которой уголовная ответственность предусматривается за убийство, совершенное в состоянии аффекта, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны *потерпевшего*... В данном случае потерпевшим в материальном смысле будет являться убитый человек, что, на наш взгляд, вовсе недопустимо для процессуальной фигуры.

Однако в случае введения в уголовный закон понятия «потерпевший» придется столкнуться с новыми проблемами. Дело в том, что реализация нашего предложения на практике

⁴ Защита прав потерпевшего в уголовном процессе. М., 1993. С. 55.

⁵ Каминская В. И. Взаимоотношение уголовного и уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. М., 1975. С. 99.

⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 402.

нарушила бы один из принципов толкования законов – применение в различных частях законодательства одного и того же термина в одном и том же значении. Действительно, разграничение понятий «потерпевший» в материальном и процессуальном значении явно недостаточное. Именно поэтому в науке предлагается определять лицо, понесших ущерб в результате совершения преступления, различными, сходными по смыслу терминами: в уголовно-правовом смысле термином «пострадавший», а в уголовно-процессуальном – «потерпевший».

Стоит заметить, что подобное разграничение уже воспринято правоприменителем. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 октября 1994 г. «О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных» (п. 9), сделана попытка развести материальные и процессуальные категории: «... гражданин, пострадавший от преступления, признан потерпевшим»⁷.

Несомненно, данное предложение не лишено смысла и логики. Между тем мы предлагаем иной выход из ситуации. Во избежание возможных противоречий необходимо исключить из ст. 42 УПК РФ указание на материальные признаки потерпевших и сформулировать статью следующим образом: «Потерпевшим в уголовном процессе признается потерпевший от преступления, а в случае его смерти (физическое лицо) либо прекращения существования (юридическое лицо), его родственник либо правопреемник. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора и суда».

Такое решение проблемы позволило бы избежать многих трудностей. В частности, оно фактически бы разграничило материальную и процессуальную фигуры потерпевшего, наполнило бы их новым смыслом. В случае введения в УК РФ понятия «потерпевший» предлагаемая нами редакция процессуальной нормы позволила бы избежать тавтологии. Более того, она бы свела на нет все дискуссии о процессуальных правах родственников непосредственной жертвы преступления.

В теории уголовного и уголовно-процессуального права долгое время считалось, что лицо, понесшее вред или убыток вследствие нарушения прав другого лица, к потерпевшим причислено быть не может. Так, по мнению В. М. Савицкого и И. И. Потеружа, родственники погибшего должны участвовать в процессе в качестве представителя потерпевшего⁸. Как отмечают авторы, «близкие родственники жертвы не могут быть признаны потерпевшими не потому, что преступлением им не причинен вред, а потому, что вред этот, как правило, большой и непоправимый, причиняется им действиями преступника не прямо, а косвенно. И признание их потерпевшими противоречит общепринятому пониманию потерпевшего как лица, которому преступлением непосредственно причинен вред»⁹. Данная позиция представляется нам спорной ввиду того, что авторы отождествляют материальную и процессуальную сущности потерпевшего и на этой основе делают определенные выводы.

По мнению М. С. Строговича, близкие родственники погибшего являются и представителями потерпевшего и самими потерпевшими¹⁰.

В. П. Божьев полагает, что они вообще не должны допускаться к участию в процессе ни в качестве потерпевших, ни в качестве их представителей, «так как на это родственники никем не уполномочены»¹¹.

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 3. С. 9.

⁸ Савицкий В. М., Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 14.

⁹ Савицкий В. М., Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 14.

¹⁰ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 1. С. 218.

¹¹ Божьев В. Процессуальное положение потерпевшего // Советская юстиция. 1959. № 9. С. 33.

Другие авторы также отрицают возможность перехода прав потерпевшего к членам его семьи и в связи с этим утверждают, что последние могут принимать участие в деле только в качестве гражданских истцов¹².

Н. Я. Калашникова, напротив, признает близких родственников убитого потерпевшими¹³.

Интересную позицию занимает В. Е. Квашиш. По его мнению, в случае убийства претерпевание родственниками убитого последствий смерти есть прямое следствие преступления, и, следовательно, они являются непосредственно потерпевшими от преступления в уголовном праве. Потерпевшим же в уголовно-процессуальной деятельности он предлагает признавать одного из таких родственников, определяемого в согласительной форме между последними¹⁴.

Разделяя позицию автора по последнему вопросу, мы не можем согласиться с утверждением, будто претерпевание определенного вреда родственниками убитого является прямым следствием преступления. Анализ причинных связей позволяет сделать вывод, что моральный, а в некоторых случаях материальный вред, причиняемый родственникам, является непосредственным следствием не убийства (умышленного причинения смерти другому человеку), а самого факта смерти (как преступного результата).

Другие ученые решение рассматриваемого вопроса ставят в зависимость от характера ущерба. Так, если потерпевший, у которого похищено имущество или которому причинен моральный ущерб, к началу процесса умер, то его родственники становятся правопреемниками и, следовательно, должны быть признаны потерпевшими. Но смерть потерпевшего не может быть основанием для признания его родственников потерпевшими от преступления¹⁵.

Интересное решение проблемы предлагает В. Г. Ульянов. По его мнению, в Уголовно-процессуальный кодекс необходимо ввести понятие «правопреемник потерпевшего» и обозначать им всех тех лиц, которые не являются потерпевшими в уголовно-правовом смысле¹⁶. Остается неясным, каковы будут полномочия нового участника уголовного процесса и чем они будут отличаться от прав и обязанностей потерпевшего. Более того, неизвестно, как должны соотноситься между собой уголовно-процессуальное и гражданско-правовое понятия «правопреемник»: совпадают ли их значения, и если не совпадают, то в чем состоит различие.

Наша позиция по данной проблеме уже раскрывалась. Повторим лишь, что материальная и процессуальная категории потерпевшего близки, но не совпадают. Если под первую категорию подпадают лица, вред которым был причинен непосредственно преступлением, то вторая может включать в себя родственников либо представителей потерпевшего.

Несмотря на отсутствие в УК РФ должного материального определения, нельзя сказать, что проблема потерпевшего в уголовном праве игнорируется. Как справедливо отмечал И. С. Ной, «понятие «потерпевший» по существу своему принадлежит к материальному праву, ибо вытекает из представления о вреде, причиненном кому-либо тем или иным преступлением»¹⁷.

В доктрине уголовного права проблема потерпевшего рассматривается в двух направлениях: через определение его понятия, а также с позиции «вины потерпевшего». «Вина потерпевшего» будет рассмотрена в последующих параграфах. Сейчас же остановимся на определении понятия «потерпевший».

¹² Ратинов А. Участие потерпевшего в предварительном следствии // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 32.

¹³ Калашникова Н. Я. Расширение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 245.

¹⁴ Квашиш В. Е. Основы виктимологии. М., 1999. С. 142.

¹⁵ Устинов В. С. Уголовная ответственность за заведомо ложные показания. Дис...канд. юрид. наук. М., 1972. С. 175.

¹⁶ Ульянов В. Г. Реализация прав в российском уголовном процессе. Автореф. дис...канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 19–20.

¹⁷ Ной И. С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном процессе. Саратов, 1959. С. 112.

А. Н. Красиков понимает под ним «физическое лицо, в отношении интересов которого совершено оконченное или неоконченное преступное посягательство»¹⁸. На наш взгляд, автор необоснованно ограничивает круг возможных потерпевших лишь физическими лицами. Экономическое развитие страны вызвало необходимость уголовно-правовой и процессуальной защиты прав различных организаций. Признание юридического лица потерпевшим (пусть даже в УПК РФ) явилось позитивным и своевременным шагом законодателя. А тот факт, что организация по природе своей не может являться непосредственным потерпевшим от определенных преступлений (например, против личности), еще не дает основания для отказа ей в этом статусе.

По мнению П. С. Дагеля, «потерпевший – это лицо, которому причинен физический, имущественный (материальный) или моральный вред... Это лицо, которому вред причинен преступлением; если нет преступления, то нет и потерпевшего в уголовно-правовом смысле этого слова»¹⁹. На наш взгляд, автор совершенно справедливо делает акцент на том, что лишь преступление «порождает» уголовно-правовую категорию «потерпевший».

Несомненно, вред может быть причинен лицу не только преступлением, но и общественно опасным деянием малолетнего, невменяемого, он может быть причинен также при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (крайняя необходимость, необходимая оборона, обоснованный риск и т. д.). Но коль скоро мы рассматриваем уголовно-правовое понятие «потерпевший», мы должны ориентироваться на УК РФ, задачами которого является «охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности... от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Как мы видим, целям уголовного закона не отвечает защита человека от общественно опасного деяния, не являющегося преступлением. Именно поэтому определение потерпевшего в уголовном праве как «лица, которому причинен тот или иной вред общественно опасным деянием»²⁰, представляется нам ошибочным.

Г. И. Чечель и В. С. Минская полагают, что «основными базовыми элементами уголовно-правового понятия «потерпевший» являются: то, что потерпевший – субъект права, участник охраняемых законом общественных отношений; факт наличия вреда в виде фактического ущерба или реальной возможности его нанесения; запрещенность причинения вреда именно той правовой нормой, за нарушения запрета или веления которой виновный привлечен к уголовной ответственности»²¹. Как нам представляется, к данным признакам следует добавить еще один – наличие прямой причинной связи между деянием, причиняющим вред, и появлением пострадавшего (непосредственность).

Несмотря на серьезные различия в подходах, все авторы солидарны в том, что материальная фигура потерпевшего и наступивший вред тесно взаимосвязаны.

Под «вредом» обычно понимается «порча, ущерб»²²; «последствия всякого повреждения, порчи, убытка, нарушение прав личности или собственности, законное и незаконное»²³; «неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе»²⁴, «всякое умаление охраняемого законом материального и нематериального блага»²⁵; «социально опасные изменения охраняемых законом общественных отношений, наступающие в результате преступных деяний»²⁶.

¹⁸ Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1978. С. 66.

¹⁹ Дагель П. С. Указ. соч. С. 18–20.

²⁰ Булгаков Д. Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика. Ставрополь, 2000. С. 13.

²¹ Минская В. С., Чечель Г. И. Виктимологический фактор и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. С. 8.

²² Словарь русского языка. М., 1983. Т. 1. С. 226.

²³ Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 1. С. 260.

²⁴ Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. М., 1998. С. 1.

²⁵ Власов А. Возмещение вреда жертвам преступлений // Законность. 2000. № 2. С. 40.

²⁶ Защита прав потерпевшего в уголовном процессе. М., 1993. С. 57.

Смысловое значение данного понятия отражает также следующее определение: вред – это «не сами по себе изменения, производимые в результате преступного воздействия, а некоторого рода их оценка, отражающая значимость данных изменений для людей»²⁷. Ни в УК РФ, ни в УПК РФ не дается определение понятия «вред». Однако в ст. 42 УПК перечисляются его конкретные виды: физический, имущественный и моральный.

Под физическим вредом в уголовном праве понимают совокупность объективно произошедших изменений в состоянии человека как физического существа или создание угрозы таких изменений – телесные повреждения, расстройство здоровья, физические страдания, боль. Действующее уголовное законодательство для определения физического вреда использует понятие «вред здоровью», оговаривая критерии его тяжести. Это понятие точнее отражает объективный характер изменений в состоянии человека как биологического существа. При этом последствия, на наш взгляд, могут выражаться не только в непосредственном вреде здоровью человека, но и в последствиях психического характера, опосредованно влияющих на здоровье.

В традиционном понимании имущественный вред, во-первых, всегда реален, поскольку вызывает неблагоприятные последствия в имущественной сфере лица; во-вторых, связан с нарушением правомочий собственника или иного владельца; в-третьих, выражается в денежной форме; в-четвертых, находится в непосредственной связи с преступлением; в-пятых, порождает уголовную и имущественную ответственность правонарушителя²⁸. Имущественный вред понимается также как «причинение непосредственного ущерба лицу, совершенное путем уменьшения его наличного имущества, повреждения либо уничтожения такового»²⁹.

При подобном рассмотрении становится очевидным, что понятие «имущественный вред» не может охватить все возможные случаи. Требуется более широкое понятие. И таким, на наш взгляд, является понятие «материальный вред». Оно позволяет признавать потерпевшим физическое или юридическое лицо независимо от того, причинен ли вред наличному имуществу, либо произошли иные изменения в его материальной сфере (например, упущенная выгода).

За замену термина «имущественный» на понятие «материальный» вред высказалось 64 % опрошенных представителей судебно-следственных органов.

Понятие морального вреда раскрыто в ст. 151 ГК РФ, где оно определяется как «физические или нравственные страдания». При этом употребление термина «страдание» предполагает, что действия причинителя вреда должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию, как правило, в форме ощущений или представлений. Широкое толкование морального вреда дал Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»³⁰, где определил его как «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие человеку от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права, либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с потерей родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причинением увечья, иным причинением

²⁷ Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С.53.

²⁸ Квашин В. Е. Указ. соч. С. 140.

²⁹ Булгаков Д. Б. Указ. соч. С. 14.

³⁰ Российская газета. 1995. 8 февр.

вреда здоровью либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и другое».

В. М. Савицкий и И. И. Потеружа моральный вред понимают более узко. Они указывают, что «его причинение означает такое нарушение субъективных прав гражданина, которое оскорбляет его честь, роняет достоинство в глазах других людей, дискредитирует его и в связи с этим причиняет нравственные страдания»³¹. Иными словами, авторы не признают физические страдания разновидностью морального вреда. Кроме того, они необоснованно сводят нравственные страдания к уголовно наказуемым оскорблению и клевете. Поддерживает эту позицию и Д. Б. Булгаков. В частности, он утверждает, что «моральный вред выражается в нарушении чести и достоинства граждан (например, нанесение оскорблений, распространение заведомо ложных сведений)»³².

На наш взгляд, сужение значения морального вреда недопустимо и даже опасно для правоприменительной практики, поскольку может привести к существенному ущемлению прав пострадавших граждан. Мы совершенно согласны с мнением Л. Д. Кокорева, который утверждает, что «под моральным вредом понимается не только умаление чести и достоинства граждан, но и причинение иных страданий лицу, против интересов которого было совершено преступление»³³.

Дополняя данную позицию, В. Е. Юрченко предлагает включить в определение морального вреда указание на нарушение нормального психологического состояния человека, вызванного преступным посягательством на охраняемые законом субъективные права и законные интересы, а также иные блага³⁴.

Как нам представляется, споры вокруг содержания морального вреда в большинстве своем вызваны тем, что законодатель использовал не совсем удачный термин.

Дело в том, что под «моралью» в русском языке понимаются «нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность»³⁵. Нравственность же – это «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек; этические нормы»³⁶. Как видно, «мораль» применительно к личности есть не что иное, как «совокупность представлений об идеале, добре и зле, справедливости и несправедливости»³⁷. Однако в большинстве случаев вред находит выражение не в моральных (этических) страданиях, а в негативных психических реакциях потерпевшего. Раз в результате преступления (или покушения на него) нарушается психическое состояние потерпевшего, причиняемый вред правильнее было бы назвать «психическим».

Предлагаемый нами вариант уже давно применяется в зарубежном законодательстве. Так, право Великобритании и всех штатов США закрепляют понятие «психологический вред» (psychological damage), который определяется как «физические и психические страдания» (physical and mental sufferings)³⁸, причем под психическими страданиями англо-американская судебная практика понимает то, что отечественный законодатель называет «моральным вредом».

В науке, выделяя материальную и процессуальную фигуры потерпевшего, часто игнорируют виктимологическую характеристику последнего³⁹. Те авторы, которые все же ее рас-

³¹ Савицкий В. М., Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 7.

³² Булгаков Д. Б. Указ. соч. С. 14.

³³ Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964. С. 7.

³⁴ Юрченко В. Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве. Томск, 1977. С. 11.

³⁵ Толковый словарь. С. 357.

³⁶ Толковый словарь. С. 414.

³⁷ Эрделевский А. М. Указ. соч. С. 3.

³⁸ Reiss A. Public perception and recollection about crime, law enforcement and criminal justice. Washington, DC. 1967. P. 91.

³⁹ Власов А. Возмещение вреда жертвам преступлений // Законность. 2000. № 2. С. 42.

смаатривают, допускают серьезную ошибку при разграничении уголовно-правовой и виктимологической природы потерпевшего. Так, они неоправданно расширяют виктимологическую категорию за счет включения в число потерпевших всех пострадавших от проявления человеческой жизнедеятельности. Такой взгляд на проблему может привести и подчас приводит к разделению виктимологии на общую, «криминальную»⁴⁰, «деликтную»⁴¹, «психиатрическую»⁴² и др.

Еще в 1975 г. Б. Мендельсон в своем труде «Общая виктимология» настаивал на включении в орбиту науки о потерпевших не только от преступлений, но и от природных катаклизмов, геноцида, этнических конфликтов и войн. Как нам представляется, разделение науки на виктимологию в «узком» и «широком» смысле является искусственным и бесполезным. Мы солидарны с В. Е. Квашисом, который считает, что «такой подход размывает границы виктимологии, исторически сложившейся как науки о жертвах преступлений, привносит в разной мере условное, но вряд ли оправданное ее разделение»⁴³.

По нашему мнению, и в уголовном и в виктимологическом смысле мы имеем дело с потерпевшим от преступления. Однако разные науки наполняют это понятие различным содержанием.

Так, материальное право обращает внимание на причинение определенного вреда в результате преступления.

В виктимологии же содержание понятия «потерпевший» связано с его статусом (совокупностью прав и обязанностей), позицией (поведение в зависимости от отношений между потерпевшим и преступником, потерпевшим и другими лицами, включая «сопотерпевших») и, конечно, с его ролью в механизме совершения преступления. Как справедливо отметил Л. В. Франк, эта роль «может быть как активной, так и пассивной, осознанной и неосознанной, решающей и второстепенной; ограничиваться непосредственно ситуацией причинения вреда и быть важнейшим элементом формирования преступника в этом его качестве и др.»⁴⁴.

Потерпевший в виктимологии – это элемент преступной ситуации. Для признания лица потерпевшим не требуется, чтобы преступление было окончено, а вред причинен. Достаточно лишь, чтобы виктимность была реализована, а это, на наш взгляд, возможно уже на стадии покушения.

Очевидно, что виктимологическое понятие «потерпевший» шире уголовно-правового, однако «жертва» – понятие еще более объемное и соотносится с последним как общее с частным.

В толковых словарях можно встретить следующие определения: «жертва – предмет или живое существо (*обычно убиваемое*), приносимое в дар божеству по обрядам некоторых религий; тот, кто пострадал или погиб от какого-либо несчастья, стихийного бедствия и т. п.; тот, кто подвергся страданиям, неприятностям вследствие чего-либо»⁴⁵. В. Даль понимает под жертвой «пожираемое, уничтожаемое, гибнущее; приношение от усердия божеству»⁴⁶. Этимология слова «жертва» (от лат. «*victima*»), а также появление его в европейских языках еще до конца не изучены. Специалисты предполагают, что в Европе это слово изначально «прижилось» во французском языке и означало предмет или живое существо, приносимое в жертву Богу. Со временем смысл понятия «жертва» значительно расширился, но закрепленное в тол-

⁴⁰ Ривман Д. В. Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка. Л., 1973. С. 20.

⁴¹ Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979. С. 19–20.

⁴² Центров Е. Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988. С. 23–24.

⁴³ Квашис В. Е. Основы виктимологии. М, 1999. С.16.

⁴⁴ Франк Л. В. Указ. соч. С. 81–84.

⁴⁵ Франк Л. В. Указ. соч. С. 479.

⁴⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 535.

ковых словарях русского языка В. И. Даля, Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова значение основывается на предыдущих лексических изысканиях.

Представляет интерес определение жертвы, данное в ст. 1 «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. Согласно этому документу, жертвами преступлений называются лица, которым был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав. В статье 2 данной декларации отмечается, что лицо может считаться «жертвой» независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой.

В одном из вышеприведенных определений имеются слова «обычно убиваемое». Смысловая нагрузка этого словосочетания очевидна: фактический вред жертве (животному, предмету, в отдельных случаях человеку) не причинен. Он носит перспективный (потенциальный) характер. Но предмет дара уже конкретно определен (не стадо животных, а определенное животное). Избежание вреда, как правило, невозможно и причинение его зависит от объективных факторов и субъективных качеств того, кто наметил жертву и исполняет ритуал.

Проведем аналогию с лицом, в отношении которого совершено, замышляется либо возможно в перспективе совершение преступления. При этом термином «жертва» охватывается и отражается объективная сущность приведенных ситуаций.

Уголовное право имеет дело с реальной вредоносностью осуществляемой либо уже осуществленной деятельности. Вредоносная деятельность, возможная в перспективе, выходит за рамки предмета уголовного права и относится к предмету виктимологии, которую интересуют жертвы как уже осуществленной, так и потенциальной вредоносной деятельности, «не формально-логическое понятие жертвы, а ее истинная роль»⁴⁷.

К сожалению, за более чем полувековую историю своего существования виктимология так и не определилась со своим основным понятием – понятием «жертва преступления». Мало того, некоторые ученые вообще отрицают необходимость его введения. Так, Д. Б. Булгаков прямо заявляет, что «следует отказаться от существующего в криминологии понятия «жертва» и оперировать уголовно-правовым понятием «потерпевший»⁴⁸.

По мнению Г. Кайзера, «использование понятия „жертва“ малопродуктивно с научной точки зрения, потому что преступность порой отличается весьма мимолетной жертвенностью»⁴⁹.

Зарубежные криминологи Р. Куинни и Л. Фаландыш настаивают на выработке такого понятия, которое имело бы связь с социальным конфликтом. По их мнению, жертва преступления – это социальная конструкция, созданная властью имущими с целью утешения тех, кто остался в невыгодном положении⁵⁰.

Существуют и другие точки зрения на данное понятие. Согласно одной из них, жертва преступления – это физическое лицо, человеку, которому непосредственно преступлением причинен физический, моральный или материальный вред⁵¹. Данная позиция, на наш взгляд, низводит понятие «жертва» до уголовно-правового понятия «потерпевший». Более того, признание жертвами только физических лиц делает его еще более узким.

Так как основная задача западных виктимологов заключается в создании на уровне государственной политики программ юридической и социальной помощи жертвам преступлений,

⁴⁷ Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С. 8.

⁴⁸ Булгаков Д. Б. Указ. соч. С. 12.

⁴⁹ Цит. по: Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 351.

⁵⁰ Falandysz. Viktimologie. Heidelberg, 1983. С. 142.

⁵¹ Ривман Д. В. Указ. соч. С. 16.

у них не возникает вопросов с определением последних. «Жертва преступления» трактуется в самом широком смысле и включает в себя не только физических и юридических лиц, но даже общество в целом, государство и международный порядок⁵².

Так, С. Шейфер в своих работах указывает на «нематериальную, абстрактную жертву (общество, особенно его экономику, или государство)»⁵³. Широкая трактовка данного термина позволяет в последующем детализировать объекты исследования, классифицировать их, а затем создавать типологический портрет жертв различных преступлений.

Выделение в качестве жертвы преступления абстрактной общности людей приводит, на наш взгляд, к смешению понятия «жертва» и предмета виктимологического изучения и мало что дает виктимологии.

Совершенно правы Д. В. Ривман и В. С. Устинов, утверждающие, что ««общность людей в любой форме их интеграции» как объект виктимологической профилактики просто нереальна, поскольку в этом случае в качестве жертвы можно рассматривать все что угодно, в том числе и общество в целом»⁵⁴.

Существует и другая позиция, согласно которой вред жертве причиняется преступлением как непосредственно, так и опосредованно; он может также не причиняться, но угроза его причинения должна иметь место⁵⁵.

Полагаем, что еще не скоро виктимология придет к четкому, логически обоснованному определению жертвы преступления, как и не скоро появятся действительно реальные основания для разграничения данного понятия и понятия «потерпевшего». Между тем хотелось бы внести в данный процесс свой вклад.

Понятия «жертва» и «потерпевший» очень близки друг другу, однако жертвой, на наш взгляд, может признаваться не только тот, чья виктимность реализована в преступлении, а каждый, кто ею обладает. Если виктимологическое понятие потерпевшего связывается с уже реализованной виктимностью, то в понятие «жертвы преступления» могут подпадать даже лица, индивидуальная виктимность которых не реализована.

Но что представляет собой индивидуальная виктимность? К сожалению, данное понятие еще не получило в науке однозначного толкования.

В частности, Л. В. Франк рассматривал виктимность как способность становиться мишенью для преступных посягательств⁵⁶, как потенциальную и реализованную повышенную способность стать жертвой преступного посягательства при условии, что объективно этого можно было избежать⁵⁷. Каждый человек, по мнению автора, может и способен быть жертвой преступления, но лишь тот, кто имеет к этому повышенную способность, виктимен.

На наш взгляд, в вышеприведенном определении понятие «виктимность» необоснованно сводится к его волевому (или поведенческому) аспекту, а именно к объективной возможности избежать преступного посягательства. В таком случае надо признать, что человек, находящийся в беспомощном положении и не имеющий возможности оказать сопротивление, невиктимен.

На волевой момент указывает также используемый автором термин «способность», трактуемый как «умение, а также возможность производить какие-либо действия»⁵⁸.

⁵² Шнайдер Г. Й. Указ. соч. С. 49.

⁵³ Schafer. Victimology: The victim and his criminal. Reston, Virginia. 1977. P. 32.

⁵⁴ Ривман Д. В., Устинов В. С. Указ. соч. С. 39.

⁵⁵ Захарьева И. А. Психологические факторы виктимности несовершеннолетних жертв изнасилования. Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 42.

⁵⁶ Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 114–115.

⁵⁷ Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 116.

⁵⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 746.

В. И. Полубинский определяет виктимность как «свойство данного человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), способствующее в определенной жизненной ситуации формированию условий, при которых возникает возможность причинения вреда ему противоправными действиями»⁵⁹.

В. Я. Рыбальская также видит в виктимности «личную характеристику, означающую повышенную способность, известную предрасположенность человека стать жертвой преступного посягательства»⁶⁰.

Названные авторы, на наш взгляд, связывают виктимность исключительно с субъективными качествами индивида и игнорируют детерминационную роль жизненной ситуации, в которой личная предрасположенность реализуется. Как справедливо отметила В. С. Минская, «совокупность качеств, характеризующих жертву, способствует ее виктимизации лишь при взаимодействии с другой совокупностью личностных свойств, характеризующих преступника, причем при наличии определенных объективных обстоятельств»⁶¹.

Игнорирование данных обстоятельств приводит некоторых авторов к признанию существования «прирожденных» жертв преступления. Так, немецкий ученый Ф. Экснер утверждает, что «во многих преступлениях жертва, черты ее характера, ее телосложение играют решающую роль в зарождении преступной ситуации»⁶². Развивает эту мысль Ганс фон Гентинг: «Жертва преступления во многих случаях вводит в искушение преступника. Если мы считаем, что есть природные преступники, есть и природные потерпевшие»⁶³. Данную позицию нельзя признать верной, поскольку она сводит индивидуальную виктимность к некоей фатальности, неизбежности причинения вреда преступлением.

Д. В. Ривман и В. С. Устинов рассматривают индивидуальную виктимность как совокупность личностных и ситуационных компонентов. При этом под личностным компонентом они понимают «способность стать жертвой в силу определенных, присущих индивиду субъективных качеств», а под виктимологическими предрасположениями (ситуативными компонентами) – «социальные, психологические, биофизические качества, повышающие степень уязвимости индивида и проявляющиеся в большей мере активно»⁶⁴. Индивидуальная виктимность, по их мнению, представляет собой обусловленное наличием преступности состояние уязвимости отдельного лица, выражающееся в объективно присущей человеку (но не фатальной) способности стать жертвой преступления. Реализованная преступным актом или оставшаяся в потенции, эта уязвимость зависит от субъективных и объективных предрасположений и в конечном счете выступает как неспособность противостоять преступнику, определяемая совокупностью факторов, делающих ее объективной (не зависящей от жертвы) или оставляющих ее на уровне субъективного «нежелания» или неумения⁶⁵.

В приведенном определении имеется одно существенное противоречие: авторы особо подчеркивают, что способность стать жертвой преступления не является фатальной, а в последующем говорят о том, что виктимность – это объективная (не зависящая от жертвы) неспособность противостоять преступнику. Но если виктимологическая уязвимость не зависит от потерпевшего и при этом не является фатальной, то от чего (или кого) она в конечном итоге зависит? На этот вопрос ответ не дается.

⁵⁹ Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. С. 32–33.

⁶⁰ Цит. по: Минская В. С. Уголовно-правовой и нравственно-психологический аспекты виктимологии // Советское государство и право. 1985. № 7. С. 78.

⁶¹ Минская В. С. Указ. соч. С. 80.

⁶² Цит. по: Холыст Б. Криминология. Основные проблемы. М., 1980.

⁶³ Henting H. Causes and Conditions. New York; London. P. 55.

⁶⁴ Ривман В. Д., Устинов В. С. Виктимология. СПб., 2000. С. 44.

⁶⁵ Ривман В. Д., Устинов В. С. Виктимология. СПб., 2000. С. 46.

Вместе с тем Д. В. Ривман и В. С. Устинов выделяют два уровня индивидуальной виктимности:

- виктимность как таковая, обусловленная субъективными качествами индивида;
- и повышенная индивидуальная виктимность, т. е. сочетание виктимности и благоприятных ситуативных факторов.

На наш взгляд, приведенное определение повышенной индивидуальной виктимности представляет собой не что иное, как начальный этап виктимизации, когда удачное сочетание ситуативных факторов и обусловленного субъективными качествами состояния уязвимости делают неизбежным совершение преступления.

Как нам представляется, под индивидуальной виктимностью следует понимать обусловленное определенными психофизиологическими, социальными и поведенческими особенностями состояние уязвимости, предрасположенности лица в конкретной жизненной ситуации оказаться в роли жертвы преступления.

При этом предрасположенность представляет собой лишь степень относительной способности, «заранее создавшуюся склонность, расположение, наличие условий» для того, чтобы стать жертвой преступления, но только лишь при наличии соответствующих ситуативных факторов объективного характера.

Сложно согласиться с мнением Д. В. Ривмана и В. С. Устинова, полагающих, что «в конечном счете виктимность – это явление социальное»⁶⁶. Предрасположенность лица быть жертвой преступления в значительной мере определяется и психологическими факторами.

Не случайно в рамках психологии выделилось самостоятельное научное направление, рассматривающее виктимность как «психологическое свойство личности, возникающее вследствие дефекта интерактивного культурогенеза и характеризующееся предрасположенностью личности стать жертвой фрустраций социогенных и персоногенных воздействий, ведущих к деформации развития личности»⁶⁷.

Учеными-психологами было установлено, что виктимная личность в основном характеризуется следующими показателями:

- 1) снижением уровня мотивации;
- 2) заниженной самооценкой;
- 3) дефицитом ценностных ориентаций;
- 4) высоким конформизмом и пр.⁶⁸

При этом виктимность как психологический феномен имеет следующие основные индикаторы:

- тревожность (чувство опасения, тревожного ожидания или неопределенного беспокойства);
- эмоциональная ригидность (жесткость, негибкость эмоционального реагирования на внутренние и внешние воздействия);
- эмоциональная вязкость (фиксация внимания на каких-либо значимых событиях или объектах);
- эмоциональное огрубление (утрата способности определять уместность тех или иных эмоционально окрашенных реакций и дозировать их);
- эмоциональная тупость («моральная идиотия», недоразвитие высших эмоций);
- утрата эмоционального резонанса (отсутствие эмоционального отклика на различные события) и пр.⁶⁹

---

⁶⁶ Ривман В. Д., Устинов В. С. Виктимология. СПб., 2000. С. 45.

⁶⁷ Клейберт Ю. А. Психология девиантного поведения. М., 2001.

⁶⁸ Руденский Е. В. Психология отклоняющегося развития личности. Новосибирск, 1998. С. 99.

⁶⁹ Клейберт Ю. А. Указ. соч. С. 95.

Несомненно, многие из указанных выше психологических особенностей присущи криминально виктимным лицам, однако это не дает оснований для отождествления криминальной виктимности, обусловленной психологическими, социальными и физиологическими особенностями личности, с психологической виктимностью как таковой.

Следует помнить, что виктимность – это сложный социопсихофизиологический феномен, нуждающийся в подробном изучении и требующий глубокого исследования на основе достижений юриспруденции, психологии и социологии.

Развитие наук требует точного и единообразного представления о применяемых терминах. Уголовное право, уголовный процесс и виктимология в этом смысле не являются исключением.

Именно поэтому мы предлагаем:

закрепить в УК следующее материальное определение потерпевшего:

1. Потерпевшим является физическое лицо, которому непосредственно преступлением причинен физический, материальный либо психический вред.

2. Потерпевшим является юридическое лицо, которому непосредственно преступлением причинен материальный вред либо вред его деловой репутации».

Изменить редакцию ст. 42 УПК РФ. Исключить из нее указание на материальные признаки потерпевшего и указать:

Потерпевшим в уголовном процессе признается потерпевший от преступления, а в случае его смерти (физическое лицо) либо прекращения существования (юридическое лицо), его родственник либо правопреемник. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора и суда».

Для терминологической упорядоченности разграничить материальное и виктимологическое понятия потерпевшего. Понимать под последним лицо с уже реализованной виктимностью, которому преступный вред причинен либо высока вероятность его причинения. Следует также отметить, что потерпевший в уголовном праве выступает объектом преступления, а в виктимологии – одним из элементов объективной стороны состава.

Понимать под жертвой преступления как реального, так и потенциального потерпевшего. При этом о реальном существовании потерпевшего свидетельствует его реализованная виктимность.

Рассматривать индивидуальную виктимность как обусловленное определенными психофизиологическими, социальными и поведенческими особенностями состояние уязвимости, предрасположенности лица в конкретной жизненной ситуации оказаться в роли жертвы преступления.

1. 2. Отрицательное поведение потерпевшего как элемент преступной ситуации

Преступление, как сложное социальное явление, детерминировано множеством внешних причин и условий, выступающих в сложном взаимодействии. Но при этом преступление – это не воля случая и не слепой рок. Это поведенческий акт разумного человека, который способен осознавать события и явления окружающего мира.

В силу своей специфики преступное поведение, на наш взгляд, обуславливается следующими обстоятельствами:

- биологическими и психологическими особенностями личности;
- социальными, культурными, моральными и прочими взглядами лица;
- внешними обстоятельствами, под влиянием которых сформировались эти взгляды;
- конкретной жизненной ситуацией, которая, взаимодействуя с личностью преступника, вызывает преступные действия.

В рамках данной работы будут подробно проанализированы обстоятельства последней группы с целью определения их детерминационной нагрузки при совершении конкретного преступления, особенно если имело место отрицательное поведение потерпевшего.

Выделение жизненной ситуации из общей массы факторов, вызывающих совершение преступления, носит условный характер, так как преступное поведение лица – это всегда «неразрывный процесс взаимодействия изменчивых ситуативных факторов с относительно постоянными личностными характеристиками»⁷⁰.

Непосредственная ситуация совершения преступления может рассматриваться с различных сторон.

Так, в рамках общей профилактики интерес представляет ее объективное содержание, позволяющее выявить криминогенные факторы с целью их устранения.

При решении процессуальных вопросов ситуация совершения преступления может служить основанием для выдвижения различных следственных версий, установления способа совершения преступления и т. д.

Для решения уголовно-правовых вопросов необходимо знать объективное содержание и субъективное значение ситуации. Анализ объективного содержания помогает выяснить, какие возможности были представлены субъекту, какие факторы толкали его на совершение преступления, а какие препятствовали этому. Субъективное же значение ситуации – это определение ее роли в поведении лица.

В некоторых случаях эта роль весьма значительна. Порой скорость воздействия ситуации на привычные условия жизни субъекта преступления так велика, что лицо просто не успевает вовремя «включиться» и осмыслить свое отношение к тем или иным объектам, сориентироваться должным образом в ситуации и принять правильное решение⁷¹. Данное обстоятельство лишней раз убеждает в том, что роль ситуации в генезисе преступления нельзя игнорировать. Как справедливо отметил В. Н. Кудрявцев, «по значительному количеству преступлений их причину следует искать именно в конкретной жизненной ситуации»⁷².

Ситуация – категория, интересующая не только юристов. Так, в структурной лингвистике ее определяют как «некоторое воспринимаемое событие в пространственно-временном континууме, которое может быть описано на некотором естественном языке»⁷³.

---

⁷⁰ Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М., 1986. С. 13.

⁷¹ Голик Ю. В. Случайный преступник. Томск, 1984. С. 101.

⁷² Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 95.

⁷³ Лекомцев В. Н. Структурная лингвистика. М., 1973. С. 446.

Юристы подходят к данному понятию иначе. Ю. М. Антонян, например, определяет ситуацию как «совокупность, сочетание обстоятельств и условий, создающих те или иные отношения, определяющие обстановку или положение»⁷⁴, а С. Б. Алимов – как «совокупность объективных обстоятельств, которые оказывают прямое влияние на возникновение, форму, степень тяжести и иные особенности конкретного проявления данного преступного акта»⁷⁵.

В. С. Квашиш полагает, что конкретная ситуация есть совокупность обстоятельств, влияющих на поведение субъекта⁷⁶.

По мнению же В. Н. Кудрявцева, это «определенное сочетание объективных обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на поведение в данный момент. В криминологическом смысле – это событие или состояние... которое приводит к преступному результату вследствие умысла или по неосторожности»⁷⁷.

Ситуация определяется и как комплекс объективных конкретных обстоятельств или более общих факторов, являющихся единым объектом индивидуальной оценки и оказывающих прямое и целостное влияние на возникновение, форму и динамику поведения⁷⁸.

Некоторые авторы, в числе которых А. Ф. Зелинский, отождествляют ситуацию с обстановкой совершения преступления⁷⁹.

Другие, напротив, искусственно разграничивают данные понятия, полагая, что ситуация «влияет на поведение субъекта в процессе проявления решимости к совершению преступления, а обстановка оказывает влияние на ход развития преступления до наступления преступного результата»⁸⁰.

По нашему мнению, рассмотрение ситуации как начального момента непосредственной обстановки совершения преступления не оправдано ни с позиции лексикологии, ни с позиции криминологии.

Ситуация, как и обстановка, – это совокупность объективных обстоятельств, ограниченных определенным периодом времени, но не обязательно периодом принятия решения.

Г. И. Чечель и В. С. Минская называют ситуацией «соотношение сил, которые могут выступать в качестве поводов, условий, а иногда и непосредственной причины преступления, т. е. могут повлиять на поведение человека в данный момент»⁸¹.

По мнению С. В. Дьякова, ситуация – это обстоятельства, которые, воздействуя на сознание, волю и чувства личности, выступили в роли либо повода, либо условия, способствующего совершению преступления⁸². Последняя позиция представляется недостаточно полной.

На наш взгляд, ситуация может выступать не только поводом или условием преступного деяния. В отдельных случаях она является непосредственной причиной совершения преступления.

Несмотря на разнообразие научных взглядов, несомненно одно: конкретная преступная ситуация накладывает отпечаток на поведение субъекта, а, следовательно, влияет на его ответственность.

⁷⁴ Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 6.

⁷⁵ Алимов С. Б. Ситуация совершения преступления и ее криминологическое значение. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 22.

⁷⁶ Квашиш В. С. Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. М., 1977. С. 34.

⁷⁷ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1966. С. 38.

⁷⁸ Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 87.

⁷⁹ Зелинский А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986. С. 55.

⁸⁰ Фроля К. Н. Назначение наказания с учетом причин совершенного преступления. Кишинев, 1980. С. 83.

⁸¹ Минская В. С., Чечель Г. И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. С. 31.

⁸² Дьяков С. В. К вопросу о причинности в механизме преступного поведения // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 45. М., 1987. С. 22.

В рамках данной работы мы подробно остановимся только на тех преступных ситуациях, элементом которых является отрицательное поведение потерпевших.

Проблемой жертвы и ее поведения виктимология занимается уже более пятидесяти лет. Однако споры и разногласия сохраняют изначальную остроту.

Одни авторы поведение и личность жертвы относят к условиям, порождающим преступление (В. Кубривный), к обстоятельствам, способствующим совершению преступного деяния (Л. В. Франк), либо к причинам и условиям (чаще всего в виде повода) (П. С. Даль, Н. Ф. Кузнецова).

Высказывается также мнение, что ненадлежащее поведение потерпевшего относится к внешним обстоятельствам, влияющим на проявление антиобщественных взглядов и побуждений в преступном посягательстве (А. Б. Сахаров).

На наш взгляд, несколько категорично утверждение о том, что «обстановка, условия преступной ситуации всегда возникают в определенной связи с личностью и поведением потерпевшего, и само это поведение является непосредственной причиной совершения преступления»⁸³. Если понимать под причиной ту движущую силу, которая вызвала наступление результата, определила его характер и основные черты, то вышеназванная позиция справедлива лишь в отношении строго определенных ситуаций. Но даже в этих случаях жертва и ее поведение являются далеко не единственными причинами преступления.

Имеется также позиция, согласно которой поведение потерпевшего способствует совершению преступления, иными словами, оно выступает как условие реализации антиобщественной установки и дефектов правосознания субъекта преступления. Как известно, условия сами по себе не могут непосредственно породить преступление, но, сопутствуя причинам и влияя на них, обеспечивают их развитие, необходимое для возникновения следствия. Авторы, рассматривающие поведение потерпевшего как условие совершения преступления, допускают ту же неточность, что и сторонники рассмотренной ранее позиции. Они однобоко и излишне категорично определяют роль потерпевшего.

Между тем изучение более 200 уголовных дел по убийствам и причинению тяжкого вреда здоровью показало, что поведение потерпевшего может выступать и непосредственной причиной, и условием совершения преступления. Причем в последнем случае личность преступника, как правило, характеризуется наличием асоциальных взглядов, привычек или навыков.

Не бесспорен подход к поведению потерпевшего как к поводу совершения преступления. В частности, остается неясным, что такое повод и какое место он занимает в причинно-следственном ряду.

Так, одни авторы относят его к причинам совершенного преступления⁸⁴. Другие, напротив, считают, что повод не является и не может являться причиной, но при этом не указывают, чем же он в таком случае является⁸⁵. Данную точку зрения по-своему поясняет Н. Ф. Кузнецова. Повод, по ее мнению, не порождает следствие, он лишь развивает его, ибо это следствие давно подготовлено соответствующими причинами и наличием благоприятствующих условий. «Такое следствие ждет для своего возникновения толчка, каким является повод»⁸⁶. Иными словами, автор отождествляет толчковый характер ситуации и непосредственно сам повод.

Мы не согласны с данной позицией и считаем недопустимым приводить к общему знаменателю понятия, далеко не равнозначные по существу. Толчковый характер ситуации, на наш взгляд, есть ее объективная характеристика, в то время как повод представляет собой субъек-

---

⁸³ Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972. С. 10.

⁸⁴ Савицкий В. М. Презумпция невиновности. М., 1997. С. 43.

⁸⁵ Никифоров А. С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. М., 2000. С. 59.

⁸⁶ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 47.

тивное отражение ситуации. Причем для совершения преступления необходимо негативное восприятие ситуации субъектом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.